

О языковых средствах русского фольклора, способствующих формированию коммуникативной компетенции младшего школьника

Н.Ю. Моспанова

С самого рождения человек вступает во взаимодействие, общение с миром и другими людьми. От того, насколько успешным оно будет, зависит его судьба, достижение успехов, удовлетворённость жизнью.

В период дошкольного и младшего школьного детства общение играет огромную роль, в первую очередь в процессе социализации. Немыслим без общения и процесс обучения. Образовательный стандарт и программы для начальной школы особо выделяют коммуникативный аспект, говорят о необходимости и важности формирования у младших школьников коммуникативной компетенции как интегративного образования, включающего «знания, навыки, умения, качества, способности личности, которые определяют эф-

фективное общение в различных видах деятельности» [3, с. 4], позволяют «находить, преобразовывать и передавать информацию, выполнять различные социальные роли в группе или коллективе» [7, с. 63]. Поэтому не случайно в результатах освоения образовательной программы отмечено «активное использование речевых средств... для решения коммуникативных и познавательных задач» [5].

Умение общаться непосредственно связано с соблюдением норм речевого поведения и общения. Знание этих правил позволяет установить контакт, расположить адресата речи к говорящему, создаёт положительный эмоциональный настрой, вызывает уважение и доверие к собеседнику, способствует достижению коммуникативной цели.

Речевой этикет представляет собой исторически сложившуюся систему правил речевого поведения, речевых формул общения и определяется ситуацией, в которой оно происходит. Ситуация общения складывается из многих составляющих, значимыми среди которых являются сами участники общения, их речевые роли, информация, место и время речевого взаимодействия, его мотивы, цели и установки.

В начальной школе ведётся активная работа по формированию у детей норм речевого этикета. Материалом для наблюдения, усвоения речевых основ могут служить фольклорные тексты. В свойственной им традиционности, устойчивости, минимальной субъективности заключена «исповедь народа», они по праву считаются «образцами высокой культуры» [6, с. 79].

Фольклорная картина мира содержит в себе чёткие представления об этикетных формах поведения. И если пословицы и поговорки давно применяются в практике преподавания, то сказочный материал в этом плане мало изучен и потому редко используется в коммуникативно-речевых целях. А ведь **русские народные сказки**, идущие к нам из давних времён, отражают не только нравственные воззрения народа, но и его коммуникативный опыт. Носителю фольклора мир

представляется основанным на социальных и личностных связях, поэтому «правила поведения в нём обретают статус Закона, поскольку именно их выполнение является залогом устойчивости существования социума. ...В этом причина предельной этикетности традиционной фольклорной культуры» [1, с. 49].

Этикетные ситуации учитывают социальное расслоение общества, социальный статус, роли, возраст собеседников. Так, способ взаимодействия персонажей в конкретной сказочной ситуации определяется в зависимости от того, кто является «оппонентом»: каждое лицо требует своего особого этикетного поведения. Для того чтобы изменить ситуацию, нужно знать не о причинах её возникновения, а о правилах и нормах поведения в ней, о способе взаимодействия с тем или иным персонажем (участником речевой ситуации).

В сказках с трудными задачами и поручениями, по канонам жанра, необходимо найти того, кто знает способ выхода из сложившейся ситуации, и здесь большую роль играют нравственные качества героя, соблюдение им правил поведения. Например: *«Иван крестьянский сын... идёт со слезами обратно к царю. Попадает к нему навстречу старичок и спрашивает: "Что ты, парень, плачешь?" Он ему на спрос грубо отвечал, просто-напросто от себя прогнал... Иван немного отошёл от старика, подумал сам с собою... Воротился, догнал старика, упал ему в ноги и сказал: "Дедушка, прости меня. Со кручины тебя обидел"»* [4, № 138, с. 288]*.

Нагрубив в сердцах старому человеку, Иван просит прощения за свой проступок. Соблюдена норма поведения (герой попросил прощения за грубость) – к нему приходит помощь, и трудная задача решена: *«Старик отвечает: "Поди в такое-то село..."»* [№ 138, с. 288].

Соблюдение правил поведения в этом случае является своеобразным испытанием для героя: *«"Что ж ты ничего не говоришь со мною? – сказала баба-яга. – Стоишь, как немая!" –*

"Не смела, – отвечала Василиса, – а если позволишь, то мне хотелось бы спросить тебя кой о чём". – "Спрашивай; только не всякий вопрос к добру ведёт..." – "Я хочу спросить тебя, бабушка, только о том, что видела..." – "Что же ты ещё не спрашиваешь?" – молвила баба-яга. "Будет с меня и этого..." – "Хорошо, – сказала баба-яга, – что ты спрашиваешь только о том, что видела за двором, а не во дворе! Я не люблю, чтоб у меня сор из избы выносили, и слишком любопытных ем!"» [№ 104, с. 163]. Героиня выдерживает испытание, и её ждёт награда: баба-яга даёт ей огонь, за которым девушку послала мачеха.

Таким образом, в сказке речевой этикет словно маркирует говорящего: противопоставление «свой – чужой», характерное для сказки, снижается. Говорящий становится как бы «своим», он устанавливает равенство или даже ставит собеседника «выше» себя, что позволяет собеседнику чувствовать свою значимость.

Наиболее частотными и яркими в сказках являются ситуации приветствия. Положительные герои в них употребляют этикетные слова и выражения *«Добро пожаловать, прохожий молодец!»*, *«Много лет здравствовать, старичок!»*, *«Здравия желаю, ваше величество!»*, *«Здравствуй, добрый молодец!»* и др.

Приветствие, обращённое к старым людям, – одна из традиционных этикетных норм в сказке: *«Идут путём-дорогою, а навстречу им седой старичок; позабыли они, что мать наказывала, и прошли мимо не здороваясь, да уж после один спохватился: "Ах, братец, что ж это мы наделали? Старичку поклона не отдали; давай нагоним его да поклонимся". Нагнали старика, сняли шапочки, кланяются в пояс и говорят: "Прости нас, дедушка, что прошли не здороваясь..."»* [№ 155, с. 350].

Вербальные этикетные средства сопровождаются в сказке невербальными и в другом примере: *«Добрые молодцы входят в избушку – на печке лежит баба-яга костяная нога...»*

* Здесь и далее цитаты из сказок приводятся по сборнику А.Н. Афанасьева [4]. – *Примеч. ред.*

"Фу-фу-фу! Прежде русского духу слыхом не слыхано, видом не видано; нынче русский дух на ложку садится, сам в рот катится". – "Эй, старуха, не бранись, слезь-ка с печки да на лавочку садись. Спроси: куда мы едем? Я добренько скажу". Баба-яга слезла с печки, подходила к Ивану Быковичу близко, кланялась ему низко: "Здравствуй, батюшка Иван Быкович! Куда едешь, куда путь держишь?"» [№ 137, с. 280]. Русский речевой этикет предполагал гостеприимство: встречать гостя как почитаемого человека, привозящего вести, потчевать хлебом-солью, а потом уже вести рассказы.

Примеры показывают, что в сказке чётко обозначены правила поведения, являющиеся ценностно-значимыми, в том числе и в социуме (например, «не выносить сор из избы», «не совать нос в чужие дела», не грубить старшим, просить прощения за проступок, не бить лежачего и т.д.). Соблюдение этих правил помогает герою достичь поставленной цели и нередко спасает ему жизнь.

Этикетность русской сказки обуславливает большое количество обращений в тексте. Обращения, кроме своей основной контактоустанавливающей функции – обозначить собеседника, побудить его слушать, привлечь внимание к сообщению, – выполняют и ряд других функций, характерных для фольклора. Выбор речевой формулы и её лексического наполнения является значимым в сказочной ситуации, содержит информацию о персонаже (социальную, характерологическую), например: *батюшка, матушка, Иван-царевич, ваше царское величество, государь, мужичок, господа жандармы, купец, старичок, батрак, солдат* и т.д.

Обращения не только называют адресата, но и дают его оценочную, эмоционально-экспрессивную характеристику с позиции говорящего или автора: «Вот приходит он на чистое поле, свистнул-гаркнул своим громким голосом: "Друг Никанор, явись передо мной!" Никанор-богатырь является: "Ну, брат Иван-царевич, вот когда служба-то наша пришла!

Садись и ты на коня, и поедем: я впереди – на двенадцатиглавого

змея, а ты позади – на всех его богатырей"» [№ 124, с. 212]; «Нет, красавица моя! Не расстанусь я с тобою; ты будешь моей женою» [№ 104, с. 165]; «Старуха воротилась, оглядела всё и крикнула: "Верные мои слуги, сердечные друзья, смелите мою пшеницу!"» [№ 104, с. 162]; «Сильный Идолище! Не погуби меня: скажи, как на Русь попасть?» [№ 119, с. 230]; «А из дома выходит девица, собою такая красавица; вышла и говорит: "Зачем вы, голубчики, сюда зашли? Ведь здесь живёт прелихой змий; он вас съест!"» [№ 131, с. 244]; «Куда вы идёте, мои родимые?» [№ 131, с. 245]; «"Здравствуй, служба! Что хорошего скажешь?" – говорит царь. "Здравия желаю, ваше царское величество!.."» [№ 153, с. 341]. Подчеркнём, что семантика всех указанных обращений положительная.

Таковую же семантику имеет лексема *добрый* в сочетании с существительными *человек, люди, хозяева* и др. В этих случаях она может выступать в предложении в функции обращения и реализовать компонент «хороший, уважаемый, почтенный»: «Ах, добрый человек! Скоро 30 лет, как я двум старцам верой-правдой служу, а за всё это время они ни разу меня с собой не сажали» [№ 212, с. 142]; «Она (девочка. – Н.М.) постучалась: "Добрые хозяева, укройте от тёмной ночи красну девицу!"» [№ 234, с. 238]; «Пошёл сиротинка в поле: видит, мужики землю пахнут. "Помогай бог!" – "Спасибо, добрый человек!"» [№ 217, с. 168].

Прилагательное *добрый* характеризует и существительные, обозначающие лиц, способных совершать добрые поступки, давать советы, оказывать помощь, и употребляется в речевых формулах: «Скажи, добрый человек, вот мы нашли сапоги-самоходы, ковёр-самолет да скатерть-самобранку; как нам поделить?» [№ 192, с. 55].

Компонент «уважение» эксплицируется и другими обращениями: «Любезный батюшка, благослови меня в путь-дорогу, авось разыщу я братьев и матушку» [№ 129, с. 231]; «Дети мои любезные! Надобно караулить, кто такой горох у нас топ-

чет?» [№ 121, с. 209]; «Здравствуй, батюшка Иван Быкович! Куда путь держишь?» – "Едем мы, бабушка, на реку Смородину, на калиновый мост..."» [№ 137, с. 280].

Степень этикетности, эмоциональности и экспрессивности обращений определяется прагматическими факторами: ситуацией и степенью зависимости героя от этой ситуации. Так, в сказке «Гуси-лебеди» девочка ищет братца и обращается к печке и реке со словами: «Печка, печка, скажи, куда гуси-лебеди полетели?», «Молочная река, кисельные берега, куда гуси полетели?». Убегая с братцем от гусей-лебедей, прося защиты, героиня выбирает иную форму обращения: в него входят приложения с положительной оценочностью и оттенком вежливости: «Речка-матушка, спрячь меня!», «Сударыня печка, спрячь меня!» [№ 113, с. 185–186]. Сказка требует олицетворения предмета, к которому обращаются с просьбой или вопросом.

В обращении (особенно к ребёнку), как правило, актуализируются компоненты «любовь», «ласка»: «Терёшечка, мой сыночек!», «Сыночек, молочка! Будь осторожен...» [№ 112, с. 183].

При этом значительную роль играют разнообразные аффиксы, например: «Где ты, старушка, этикие вещи взяла?» [№ 190, с. 41]; «Тепло ли те, девица? Тепло ли те, лапушка?» [№ 95, с. 141]; «Да так и так, – говорит, – еду отыскивать свою матушку. Не можешь ли ты сказать, дядюшка, где её найти?» [№ 129, с. 231]; «Пастушок, пастушок! Дай нам хлеба» [№ 195, с. 63]; «Братец! – говорит меньшей старшему. – Поедем к отцу нашему да посмотрим: каково его житьё-бытьё?» [№ 195, с. 64]; «Купи, старичок, курочку!» [№ 197, с. 67] и т.п.

В.В. Виноградов отмечал, что при посредстве таких суффиксов «выражаются самые разнообразные оттенки экспрессии» [2, с. 98]. Кроме того, он ссылается на точку зрения К.С. Аксакова: «Милому свойственно быть *малым*... Сама ласка предполагает уменьшительность предмета...

Кроме милого, предмет принимает характер жалкого, бедного,

робкого, возбуждающего о себе это сознание в говорящем... кроме чувств, что этот предмет мне дорог, в говорящем высказывается часто и чувство собственного смирения, для чего и предмет представляется им в смиренном виде» [Там же, с. 97].

Предложения с обращениями позволяют составить представление и об адресанте речи, его отношении к другим персонажам сказки. Следует заметить, что большинство обращений характеризуют положительных персонажей, например: «...купеческая дочь тотчас вскочила и пошла оделять их милостыню. Подошла к безногому: "Прими, убоженький, Христа ради!"» [№ 198, с. 76]. Ср.: «Собралась старуха и поплелась в королевский дворец... Ухватили её часовые: "Стой, старая ведьма! Куда тебя черти несут? Здесь даже генералы не смеют ходить без доклада..."» [№ 191, с. 47]; «Иван-дурак сидит на печи и говорит: "Братья, не я ли тут был?" – "Куда, к чёрту, тебе быть! Сиди, дурак, на печи, да протирай нос-от"» [№ 179, с. 4].

Обратим внимание, что иногда сказка в одной и той же ситуации противопоставляет речевую норму и её отсутствие, отдавая явное предпочтение первой. Ср.: «Баба-яга... подошла к окошку и спрашивает: "Ткёшь ли, племянюшка, ткёшь ли, милая?" – "Тку, тётюшка, тку, милая!"... Девушка убежала... А кот сел за кросна и ткёт... баба-яга спрашивает: "Ткёшь ли, племянюшка, ткёшь ли, милая?" – "Тку, тётка, тку, милая!" – отвечает грубо кот. Баба-яга бросилась в хатку, увидела, что девочка ушла..."» [№ 103, с. 157]; «"Тепло ли те, девица?" – "Тепло, тепло, батюшко-Морозушко!" Морозко стал ниже спускаться, <...> спросил девушку: "Тепло ли те, девица? Тепло ли те, красная?"... Девица окостенела и чуть слышно сказала: "Ой, тепло, голубчик Морозушко!" Морозко сжалился, окутал девицу шубами и отогрел одеялами» [№ 95, с. 141]; «"Убирайся ко всем чертям в омут, сгинь, окаянный!" – и девушка окостенела» [Там же, с. 142].

В последнем примере следует обратить внимание учащихся на широко распространённое явление, противо-

положное речевому этикету, – речевую агрессию как проявление враждебности в речевом общении. Это грубые резкие высказывания, употребление грубо просторечных слов, ненормативной лексики, обвинений и оскорблений. Агрессивным может быть тон собеседника, его пренебрежительность в разговоре, оскорбительные слова и жесты. С одной стороны, речевая агрессия может возникнуть как ответ на внешний раздражитель (грубое обращение, оскорбление, физические действия). С другой, – как намерение, т.е. целенаправленное желание и речевое действие говорящего обидеть, унижить, оскорбить, реализуя какие-то свои потребности. В любом случае речевая агрессия не позволяет достичь диалога в общении, гармонии в речевом взаимодействии, а порой и решить коммуникативную задачу. Например, в сказке «Два Ивана солдатских сына» представлена ситуация продажи жеребцов: «*Что твоим жеребцам цена будет?*» – спрашивает Иван солдатский сын у хозяина. *«Не с твоим, брат, носом соваться сюда! Есть товар, да не по тебе; нечего и спрашивать»*. – *«Почём знать, чего не ведаешь; может, и купим; надо только в зубы посмотреть»*. Хозяин усмехнулся: *«Смотри, коль головы не жаль»*. Тотчас один брат подошёл к тому жеребцу, что на шести цепях был прикован, а другой брат – к тому, что на двенадцати цепях держался. Жеребцы поднялись на дыбы... Братья ударили их коленками в грудь – цепи разлетелись. Хозяин чуть не плачет: жеребцы его поскакали за город и давай разгуливать по всему чистому полю; приступить к ним никто не решается, как поймать – никто не придумает» [№ 155, с. 350].

Заметим, что этикетные вербальные действия маркируют глаголы – положительные персонажи: *просить*; отрицательные персонажи: *приказать, крикнуть, разозлиться*.

Как видим, соблюдение норм речевого общения – важная традиция русского народа. Многие речевые формулы сегодня, к сожалению, утрачены.

Чаще используются формулы односложные, менее эмоциональ-

ные. Между тем этикетные формулы, фразы «к случаю» – важная составная часть коммуникативной компетенции человека (и младшего школьника, в частности). Знание их и умение употреблять – показатель высокой степени владения языком и высокой культуры.

Литература

1. *Адоньева, С.Б.* Сказочный текст и традиционная культура / С.Б. Адоньева. – СПб. : СПбГУ, 2000.
2. *Виноградов, В.В.* Русский язык : Грамматическое учение / В.В. Виноградов. – М. : Высшая школа, 1972.
3. *Колесников, И.И.* Развитие коммуникативных компетенций преподавателей гуманитарных вузов : автореф. ... канд. пед. наук / И.И. Колесников. – Сходня : 2006 .
4. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева : в 3-х т. – М., 1957.
5. Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования. – М. : Просвещение, 2009.
6. *Хроленко, А.Т.* Лингвокультуроведение / А.Т. Хроленко. – Курск, 2000.
7. *Хуторской, А.В.* Ключевые компетентности как компонент личностно ориентированной парадигмы образования / А.В. Хуторской // Народное образование. – 2003. – № 2.

Наталья Юрьевна Моспанова – канд. филол. наук, ст. преподаватель кафедры теории и методики начального образования социально-педагогического факультета Брянского государственного университета, г. Брянск.